

— Какая, к чёрту, зависть! — фыркнул регистратор Сюй. — В уездной управе этих крох и на зубок не хватит!

Управа была совсем крошечной. Ещё при господине Ду ловить там стало нечего, а судя по замашкам господина Ма, тот явно не из тех, кто согласен терпеть нужду.

У него ведь целая орава ртов, а уездный судья — должность мелкая. Много ли ему платят?

По законам Великой Цин годовое жалованье уездного судьи составляет всего шестьдесят лянов серебра. Рис в наших краях идёт по ляну за два даня, то есть за двести цзиней.

Если посчитать, в месяц выходит около пяти лянов. Но ведь не одним рисом жив человек?

Еда, одежда, приличный кров, расходы на приёмы и подарки, да ещё жалованье личным советникам, слугам, стряпухам... Боюсь, его годового дохода не хватит, чтобы прокормить всё это семейство и в течение месяца.

Настоящее разорение, а не служба!

— Но ведь не простые жители должны кормить всё его семейство? — нахмурился Дин Тянь. — Господин Ду себе ничего подобного не позволял.

— Да что ты понимаешь! — регистратор Сюй закатил глаза. — Много ли на свете таких честных людей, как господин Ду? Большинство чиновников за тридевять земель прутся только ради наживы.

Дин Тянь хотел было возразить, но они уже дошли до развилки. Регистратор Сюй оторвал от жареной курицы сочную ножку и всунул её юноше в руку:

— Хватит каждый день давиться дикими травами. Ты что, нарочно сиротку строишь, чтобы тебя пожалели?

— Вовсе нет, мне и правда нравится, — усмехнулся Дин Тянь. — Весной в теле скапливается лишний жар, а свежая зелень его умиряет.

Регистратор Сюй только презрительно фыркнул, явно не поверив ни единому слову:

— Смотри у меня. Береги себя.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь — к своему небольшому дворику, который теперь полностью перешёл в его распоряжение.

С тех пор как бывший бухгалтер Сюй выбился в регистраторы, он пристроил своего сына на должность помощника писаря. Теперь отец и сын — один чиновник девятого ранга, другой помощник писаря без ранга — оба кормились за казённый счёт. Получая двойное жалованье, жили они припеваючи.

Вот только быть регистратором — задача не из лёгких. Сейчас, может, всё и шло гладко, но кто знает, что принесёт завтрашний день?

За те полгода, что Дин Тянь прожил здесь, он даже приноровился управлять повозками — и конной, и воловьей, и запряжённой ослом. Как выяснилось, телега на волах берёт самый тяжёлый груз, ослик тащит ровнее всего, а лошадь везёт быстрее всего, но её ход — самый тряский. Впрочем, сейчас у него была лишь одна повозка, старая тягловая кляча да верховой конь.

Изредка он запрягал лошадь и отправлялся в родную деревню семьи Дин, подвозя по пути знакомых.

А вот в семействе нового господина Ма покоя не знали. Внутренние покои то и дело содрогались от скандалов. И хотя вздорные бабьи ссоры не выходили за порог усадьбы, люди понимали: этот судья — птица невысокого полёта. Ещё бы — целый уездный судья, грозный правитель, а не может совладать с собственной женой! Какое ничтожество. Вслух об этом, конечно, не судачили, но про себя каждый качал головой.

Наступили жаркие дни, но Дин Тяню зной казался терпимым. Во-первых, это был не современный мир с его парниковым эффектом: температура редко поднималась выше двадцати шести-двадцати семи градусов, а двадцать восемь уже считались невыносимым пеклом. К тому же воздух в древности оставался чистым и свежим. Докучали разве что комары, но от них Дин Тянь спасался плотным пологом над кроватью. Окна он затянул мелкой сквозной кисеёй, которая прекрасно пропускала утренний свет, но преграждала путь назойливой мошкаре.

Над каном у него тоже висела лёгкая сетка. К тому же он приноровился опускать свежие дыни и персики в глубокий колодец на заднем дворе — после ледяной воды они становились упоительно холодными. Настоящая благодать, чистые и сочные дары природы.

Вся эта кутерьма его не касалась: он просто тихо жил своей жизнью. Но со стороны было видно, как личные советники крутят делами управы как хотят, пока господин Ма воюет со своими домашними. Постепенно атмосфера в уездном суде становилась всё более гнилой.

А всё потому, что новый судья переложил все заботы на плечи советников, а сам... что он делал?

Целыми днями пропадал на женской половине усадьбы, развлекаясь с любимыми наложницами. Даже подарки к празднику Начала лета за него готовили и отправляли советники. Господин Ма лишь мельком взглянул на счёт за подношения, и у него едва сердце не разорвалось от жадности. Притом в этой глуши даже за большие деньги невозможно было

достать ничего приличного — хороших товаров здесь отродясь не водилось!

— Тянь-эр! Тянь-эр! — на пороге появился Линь Ци.

Едва переступив порог, он схватил со стола пиалу и в один глоток осушил её. Вода у Дин Тяня всегда была ледяной, словно её только что достали из глубокого колодца. В такой зной глоток студёной влаги казался истинным блаженством.

— Ну и что на этот раз стряслось? — спросил Дин Тянь, лениво обмахиваясь широким веером из пальмовых листьев.

— Великие дела творятся! — выдохнул Линь Ци, который в управе знал каждый шорох. — Поговаривают, на женской половине госпожа заставила наложницу Жуюй обмахивать её веером. Несчастная махала им без продыху, пока у неё запястье не распухло так, что теперь она даже руку поднять не может!

<http://bllate.org/book/19387/1997454>